

2. Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации / пер. В.В. Дементьева и Е.Б. Ковелевой // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд. центр «Наука». Вып. 3. Жанры и культура. 2007. С. 131–158.

3. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

4. Качнельсон С.Д. Типология языка и речевого мышления. Л., 1972.

5. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. М., 2000.

6. Норман Б.Ю. Жанр шуточных объявлений в маршрутных такси // Жанры речи. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. С. 429–438.

7. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000.

8. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. М. : Прометей, 2000.

9. Филимонова И.В. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты : моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.

10. Шаховский В.И. Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сб. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990.

11. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста : моногр. М. : ИЯ РАН, 1997.

12. Шаховский В.И. Эмоции и мысли в художественном тексте // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. ст. Волгоград – Саратов : ВГПУ, 1998.

13. Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

Discursiveness of emotions in human communication

There is substantiated the thesis about the discursiveness of emotions. This discursiveness relates to communicative/categorical emotional situations of human communication. The effectiveness of emotional communication depends on the adequacy of speech partners' emotional images and on their sincerity/insincerity.

Key words: *discursiveness, image, communicative/categorical emotional situation, ethnic factor, rationalization of emotions, communicative play as a component of emotions discursiveness.*

В.Б. КАШКИН
(Воронеж)

ДИСКУРСИВНЫЙ ЭФФЕКТ: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Исследуется появление новых смыслов в дискурсе, т.е. возникновение дискурсивного эффекта вследствие воздействия позиционных факторов (синтагматика дискурсивных отношений) и факторов социального статуса источника (парадигматика дискурсивных отношений).

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивный эффект, коммуникация, интертекстуальность.*

Из двух сложившихся в интерпретации коммуникации парадигм – трансляционной и интеракционной – наиболее эффективным для объяснения процессов человеческого общения следует признать интеракционный (диалогический, деятельностный) подход. Это связано во многом и с тем, что коммуникация важна не сама по себе – это лишь надводная часть айсберга всей человеческой активности. Она сопровождает, обобщает и организует действия, являясь также видом деятельности, точнее даже – метадеятельностью по отношению к деятельности человека в целом [3, с. 658–659]. Именно эта связка деятельности и метадеятельности и объясняет возможность слов «творить мир», феномен речевого воздействия и дискурсивного эффекта.

Динамическая и деятельностная парадигма языка и коммуникации получила свою разработку в трудах психологов и социологов, языковедов и философов. В XX в. наиболее значимыми для этой концепции следует признать идеи Л.С. Выготского о речевой деятельности, М.М. Бахтина о речевом взаимодействии, становление теории дискурса (М. Фуко, Р. Барт и др.), вероятностную модель языка В.В. Налимова, идеи социального конструктивизма и др.

В дискурсе наиболее отчетливо проявляется антиномичность коммуникативной деятельности человека, в которой диалектически (т. е. неразрывно и в обязательном взаимодействии) проявляются статичность знаковой системы и динамичность дискурсивных процессов, линейность текста и гештальтность, конечная целостность его понимания, мнимая материальность языковых единиц и нематериальность смысла. Теория дискурса, деятель-

ностная теория языка и коммуникации вносят в понимание этих явлений временной параметр, изменяя мерность научной картины языка и коммуникации.

Дискурс часто определяют как «речь, погруженную в жизнь», забывая о том, что данное определение целиком метафорично. В каком смысле имеется в виду «погружение»? Разумеется, не в физическом, хотя физическое произнесение физической речи действительно находится «внутри» жизни, «погружено» в нее. Переносное значение погружения понимается в том смысле, что речь и жизнь связаны и влияют друг на друга.

Дискурс как языковая (речевая) деятельность, сопряженная с предысторией, состоянием мира в момент речи и последующим состоянием, способен в определенном смысле «менять мир». Измененное состояние мира во многом достигается благодаря воздействию речи, дискурса: «Теперь я вожу!» – и участники игры разбегаются от самопровозглашенного водящего, хотя минуту назад убежали вместе с ним от прежнего догонялы. Дискурсивный акт в этой игре – провозглашение себя водящим, дискурсивный эффект – изменение в поведении играющих [7]. Однако дискурс, как зеркало в зеркале, может быть погружен и сам в собственную среду. Точнее, именно так и происходит всегда, что составляет эффект интердискурсивности (интертекстуальности), да и само явление языка (языковой деятельности) следует рассматривать как схемы рекуррентного совершения схожих дискурсивных действий. Язык – не вещь и не система материальных «единиц», хотя эта рифицирующая метафора и является ведущей как в обыденном, так и в научном представлении языка. При этом креативная коммуникация способна создавать новые дискурсивные практики, тем самым отличаясь от рутинного общения, которое эти практики призвано поддерживать [2, с. 7–12]. Одной из наиболее креативных сфер современного общения можно считать рекламную коммуникацию, а также коммуникацию в популярных СМИ и политическую коммуникацию.

По отношению их к действительности и к самому себе как части этой действительности дискурс способен производить эффект двух типов. Первый из них связан с позицией дискурсивных элементов в рамках высказывания (коммуникативного эпизода, дискурсивного события, дискурса, текста). Второй соотносим с позицией коммуникантов (или произведенных ими высказываний, речевых произведений и т.п.) в иерархии повторяющихся действий (языке, социальной структуре, культуре, сокровищнице прецедентных текстов и т.п.).

Позиционный дискурсивный эффект – ср. знаменитый пример Ч. Филлмора: *Please use the toilet not the pool. Pool for members only* [13, с. 9–10]. Раздельно каждое из этих высказываний является запретом, вместе же и именно в данной временной последовательности в дискурсе они становятся единым текстом, коммуникативный фокус которого – ограниченное разрешение. Так проявляется синтагматика дискурсивных отношений.

Реляционный дискурсивный эффект (*Я не пью черный кофе vs Мы не пьем черный кофе* – констатация либо отказ от предложения выпить чашечку кофе в первом случае – после изменения местоимения и других грамматических показателей на множественное число превращают высказывание почти в политический лозунг, ведь *мы* воспринимается в эксклюзивном смысле в рамках противопоставления *свои (мы)* и *чужие (не-мы)*; ср. *У нашего/моего батюшки и пиеничные не едятся* (явно ощущается намек на различный социальный статус собеседников, возвеличивание себя и свое социальной группы и т. п.). Так проявляется парадигматика дискурсивных отношений.

В любом случае «расшифровка» дискурсивного эффекта возможна только с привлечением обстоятельств окружающей среды. Это соответствует и самой сущности понятия дискурса как реализации языка в условиях среды и в целях воздействия на нее. Поскольку дискурс может выступать одновременно и внешней средой по отношению как к самому себе (метадискурс), так и к другим дискурсам (ретроспективная интердискурсивность), возможны смешанные типы. Например, дискурсивный эффект может рождаться в результате использования прецедентного элемента (цитаты, чаще модифицированной цитаты), отражающего социальный статус, степень авторитетности исходного отправителя. Авторитетность известного текста, как правило, усиливает дискурсивный эффект сообщения. Наиболее часто в современном дискурсивном пространстве это наблюдается в заголовках прессы (чаще в «таблоидах» и популярных журналах, нежели в так называемых *quality papers*): *А у нас в квартире туту!*; *Писающий гашишник*; *Один тренер – хорошо, а два – разгром!* (газета «Мое!», Воронеж). Информационную функцию заголовка в таких случаях потесняет функция апеллятивная: *Прочитай меня!*

Возможно также (в особенности, в мультимедийном тексте) дискурсивное сочетание линейно развертывающегося текста с нелинейным элементом, присутствующим в ка-

честве интердискурсивного фона. Например, статья в популярном англоязычном журнале о здоровом образе жизни и питания оформлена с участием зеленого цвета и сопровождается фотографией зеленого яблока (при этом статья не о яблоках). Символика зеленого цвета вносит дополнительную семантику «экологический чистый» и, взаимодействуя с текстом статьи, усиливает ее дискурсивный эффект, создавая новые смыслы. Еще один пример из рекламного дискурса британского университета: *I / glamorgan / flying high*. Поликодовый способ подачи (с использованием параграфемии – текст дан в трех строках с выделением «встроенной» фразы *I am flying high*) позволяет добиться усиления дискурсивного эффекта – привлечь внимание к университету, позиционирующему себя высоко на рынке образовательных услуг [1, с. 97].

Аналогичный пример позиционного дискурсивного эффекта в поликодовом тексте обложки известного журнала соединяет изображение сотрудника ГИБДД (вид сзади) и заголовка *Поехали?!* с помощью невербального элемента, напоминающего вербальный: перекрещивающиеся ремни на спине гаишника напоминают букву *X* и включаются одновременно в изображение и в текст заголовка статьи на одной из страниц журнала. Смысл «проблемы, которые создают сотрудники ГИБДД автомобилистам», передается – в дополнение к линейному тексту – раскрывается множеством средств нелинейно: интертекст Гагарина дан в вопросительно-отрицательной форме, выражающей сильное сомнение; буква *X*, выполненная в виде ремней на спине, напоминает крест, что соотносится с выражением *поставить крест на чем-либо* или с соответствующим жестом рук; положение тела гаишника также напоминает о выражении *повернуться спиной к кому-либо* и выражает сомнение в возможности поехать без препятствий. Новые смыслы и усиление общего фокуса текста статьи «никуда вы не поедете с этими гаишниками» создаются совместной работой различных знаков в одном тексте, а также их корреляцией со знаниями о внешней среде.

Позиционный дискурсивный эффект связан с семиотической способностью человека, стремлением приписывать смыслы вещам и явлениям (даже если нет отправителя, вложившего этот смысл). Эта особенность часто используется для создания иронического эффекта, когда в дискурсе сочетаются неожиданные высказывания. Например, «Приколы русского радио», сознательно сочетающие начало от одного, а окончание – от другого преце-

дентного высказывания, пословицы или поговорки: *Баба с возу – потехе час; Баба с возу – волки сыты* и т. п. Интертекстуальный характер иронии подробно анализирует К.М. Шилихина [10, с. 12–13].

Дискурсивный эффект может получиться и непреднамеренно. Так, на рекламном щите воронежского цирка в период одной из предвыборных кампаний были наклеены плакаты одного из кандидатов. Получился новый текст: *В воронежском цирке – фамилия и изображение кандидата в депутаты – Планета обезьян*. Эффект соединения двух текстов усиливался благодаря наличию весьма «говорящего» изображения кандидата. В политическом дискурсе, разумеется, чаще создается весьма положительный мифологизированный образ рекламируемого политика, но это делается преднамеренно, а дискурсивный многократный повтор ключевой фразы (слогана) позволяет созданному образу выживать на политическом рынке. Дискурсивное выживание наблюдаем и в академическом дискурсе: *Publish or perish!*

Ключевая фраза обыгрывается во многих текстах рекламного дискурса упомянутого выше университета (*Law graduate flying high* и т.п.), создавая с помощью дискурсивных средств своего рода миф об особом характере, особой аксиологии данного университета. Таким образом, от дискурсивного эффекта осуществляется переход к дискурсивному синтезу, дискурсивному производству определенных общественных и групповых ценностей. Современная корпоративная бизнес-культура также практически на сто процентов представляет собой такое дискурсивное производство. Повторение мифологем в дискурсе поддерживает соответствующие социальные отношения и ценности, прекращение повторения или изменение дискурса приводит к исчезновению данного мифа или созданию нового.

Социальный конструктивизм предполагает, что реальность не дается для обозначения в дискурсе, а создается в нем и поддерживается рекуррентными дискурсивными действиями. Это в особенности справедливо в случае отношений власти, поскольку она проявляет себя исключительно через двунаправленный дискурс (от власти – к подчиненным и наоборот – от подчиненных – к власти), подтверждающий ее право на власть и постоянно воссоздающий это право именно в речи [11]. В политическом дискурсе особенно заметно, что возможен не только дискурсивный анализ (наивный или научный), но и дискурсивный синтез – создание речевых произведений с заданными характеристиками и направленными на ту или иную целевую аудито-

рию, а фактически синтезирование, конструирование желаемых социальных отношений. Данная проблематика весьма характерна для постструктурализма, особенно французского. Так, М. Пешё говорит об изучении связи между силовыми взаимодействиями и взаимодействиями смысла в конкретной социальной структуре [4, с. 334], рассматривая то, что мы называем дискурсивным эффектом, как результат действия различных факторов не только и не столько лингвистического, сколько социального и психологического характера [5, с. 14].

Впрочем, следует избегать и излишнего «дискурсивного идеализма», не возлагая надежды только на дискурсивный синтез, ведь дискурсивный эффект все же не обладает достаточной материальностью, как пишет С. Жижек, говоря о дискурсивном производстве национальных мифов [14, с. 202–203]. Дискурсивный синтез (и даже дискурсивное производство) является частью человеческой социальной и индивидуальной жизни: меморополитика или политика памяти, связанная с воспоминаниями о национальных травматических периодах; новости как конструирование выгодной реальности, а также биографии, мемуары и некрологи, самоповествование и конструирование индивидуальной идентичности (опять же не без участия грамматики местоимений *я/мы/они*) и т. п. [5]. О. Розеншток-Хюсси также отмечал общественную значимость грамматики, связывая знание с третьим, авторитет – со вторым, а причастность – с первым лицом [8, с. 105–113].

Свой вклад в понимание социального и индивидуального дискурсивного конструктивизма внес и классик психологии Дж. Брунер, сравнивший саму жизнь с нарративом [12, с. 692–693]: рассказы не происходят в реальности, а конструируются в головах людей, и даже больше – жизнь является конструктом человеческого воображения. Взаимосвязь дискурса и реальности подчеркивается им в следующих словах: *just as art imitates life in Aristotle's sense, so, in Oscar Wilde's, life imitates art. Narrative imitates life, life imitates narrative (как искусство подражает жизни в понимании Аристотеля, так в понимании Оскара Уайльда жизнь подражает искусству. Нарратив подражает жизни, жизнь подражает нарративу)*. Самоповествование (*self-narrative*) Дж. Брунер анализирует, исходя из идей В.Я. Проппа о структуре сказки. Здесь объяснение сущности дискурса само опирается на авторитетный дискурс прецедентных личностей предшественников.

Явление дискурсивного эффекта лишнее раз напоминает о семиотическом, условном характере языка и других систем коммуника-

ции. Значения не берутся естественным образом из природы вещей, а возникают из достаточно случайных и условных связей, закрепляясь в повторении и развиваясь в случае новых неожиданных контекстов. Система языка в таком случае предстает не как набор материальных единиц, строго разложенных «по полочкам», но действительно, скорее как система повторяющихся связей – ведь в языке, по словам Ф. де Соссюра, нет ничего, кроме отношений. Многократно повторяемые дискурсивные события, контексты и единицы, употребленные в них, хранятся в памяти социума в виде тезауруса, включающего не просто слова, но именно память об их употреблении. Дискурс же создает возможность бесконечного количества новых употреблений, новых приращений значения и семантических сдвигов. Ссылаясь на Р. Барта, о «недоверии к стереотипу», его разрушении в дискурсно-привязанном употреблении языковых единиц пишет и Н.А. Красавский [6, с. 280–281]. Возможно, этот «принцип неустойчивости» является лингвистическим аналогом принципа неопределенности в квантовой механике, тем самым намекая на определенный изоморфизм строения и функционирования материального и духовного миров.

Литература

1. Дьякова Е. Ю. Средства языковой компрессии торговых наименований в рекламном дискурсе сферы образовательных услуг // Вестн. ВГУ. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. №1. С. 94–97.
2. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
3. Кашкин В. Б. Коммуникация // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2009. Т. 14. С. 658–660.
4. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.
5. Кожемякин Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пеше) // Науч. ведомости. 2008. №4. С. 5–17.
6. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
7. Хёйзинга Й. Homo ludens – Человек играющий: ст. по истории культуры. М.: Айрис-ПРЕСС, 2003.
8. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1995.
9. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» // Травма: пункты: сб. ст. М.: НЛЮ, 2009. С. 5–41.
10. Шилихина К. М. Роль контекста в интерпретации иронии // Вестн. ВГУ. Серия «Лингви-

стика и межкультурная коммуникация». 2008. №2. С. 10–15.

11. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge : Polity Press, 1991.

12. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004 (1987). 71 (3). С. 691–710.

13. The Handbook of Discourse Analysis / D. Schiffrin, D. Tannen and H. E. Hamilton (eds.). Oxford : Blackwell Publishing, 2003.

14. Žižek S. Tarrying with the Negative : Kant, Hegel, and the Critique of Ideology. Durham : Duke University Press, 1993.

Discursive effect: origin factors

There is considered the appearance of new meanings in discourse, i.e. origin of discursive effect as a result of the influence of positional factors (syntagmatics of discursive relations) and factors of the social status of the source (paradigmatics of discursive relations).

Key words: *discourse, discursive effect, communication, intertextuality.*

**Е.В. БРЫСИНА, Р.И. КУДРЯШОВА,
Е.В. КУЗНЕЦОВА**
(Волгоград)

ВОЛГОГРАДСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Описана работа ученых-лингвистов ВГСПУ (СГПИ, ВГПИ, ВГПУ) по исследованию диалектов Волгоградской области с первых лет существования вуза по настоящее время. Выделены основные направления исследования диалектов.

Ключевые слова: *говоры Волгоградской области, переселенческие говоры, современные процессы в говорах, лингвокультурология, этнолингвистика, диалектная лексикография, лингвогеография, лингвистическое краеведение, новые информационные технологии.*

Кафедра русского языка Волгоградского (Сталинградского) государственного педагогического университета (института) практиче-

ски с первых лет своего существования занимается проблемами региональной лингвистики: проводилась и проводится значительная работа по исследованию волгоградских диалектов, местной топонимики, изучению языка художественных произведений волгоградских писателей. Основное внимание уделяется исследованию говоров Волгоградской области.

Можно выделить несколько этапов изучения местных говоров, направлений исследования диалектов: 1) изучение традиционных говоров области; 2) исследование современных процессов в говорах; 3) выявление специфики языковых процессов в социально изолированных донских казачьих говорах; 4) развитие этнолингвокультурологического направления в изучении говоров Волгоградской области; 5) исследование языковых процессов в говорах области в лингвогеографическом аспекте, в том числе с привлечением новых информационных технологий.

Основателем Волгоградской диалектологической школы является профессор Л.М. Орлов. Многолетнее изучение традиционных говоров Волгоградской области позволило Л.М. Орлову дать классификацию бытующих в нашем регионе переселенческих говоров. Ученый выделил две обширных зоны, представленные донскими (западный ареал) и волжскими (восточный ареал) говорами. Л.М. Орлов в числе первых российских диалектологов глубоко и всесторонне на материале волгоградских диалектов исследовал процесс взаимодействия традиционных говоров с литературным языком на всех языковых уровнях и показал неоднородность речи современных носителей диалектов. В 1970 г. Л.М. Орлов защитил докторскую диссертацию «Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах», в которой на материале волгоградских диалектов исследовал проблему социально-языковой и функционально-стилистической неоднородности современных говоров, показал своеобразие речи носителей диалектов в зависимости от возраста, уровня образования, профессии, отметил, что современные местные говоры представляют собой качественно новые образования, сложившиеся в процессе органического соединения двух систем – системы диалекта-основы и системы литературного языка [15, с. 6–7]. Приложением к докторской диссертации